

Его можно было бы назвать властителем дум интеллигенции в 70-е — 80-е годы. Люди, причастные к музыке, спрашивали друг друга: "Вы слышали новое произведение Шнитке?" — с той же примерной интонацией, с какой читающая публика обменивалась впечатлениями о новых книгах Солженицына или Аксенова. То было ощущение драгоценного глотка духовной свободы, ибо музыка эта явно противоречила официальным канонам советского искусства; будучи нарочито лишенной деланного оптимизма, примитивно понимаемой "народности", она задавала человеку "конечные" вопросы о природе добра и зла, наводила на ответы, далекие от рецептов кодекса строителей коммунизма.

русским человеком, русским художником. Точно так же не может он себя однозначно назвать немцем или евреем. Он — всюду чужой, пришлый. И эта "неукорененность" его, психологически как раз тяготеющего к укорененности в традициях культуры, не может не восприниматься им трагически.

В.Х. Мне кажется, говоря о "вырванности из корней", вы смотрите, простите за каламбур, в корень. О том, насколько этот вопрос важен и болезнен для Шнитке, свидетельствует оброненная им в разговоре со мной фраза. Когда он крестился в католичество,

предшествующую жизнь. Не случайно героями произведений Шнитке стали Фауст, Пер Гюнт — персонажи, платящие за приобщение к истине, к вере самым дорогим — собственной жизнью. Да и биография самого Шнитке каким-то мистическим образом приобрела фаустовские черты. Как персонажу романа Томаса Манна "Доктор Фаустус" композитору Адриану Леверкюну, ему было отпущено определенное количество лет активной жизни, вслед за чем наступила страшная болезнь. Только в отличие от Леверкюна Шнитке не впал в беспамятство, не потерял творчес-

ИСПОВЕДЬ

ДОКТОРА ФАУСТА

СЕГОДНЯ В МОСКВЕ — МИРОВАЯ ПРЕМЬЕРА ДЕВЯТОЙ СИМФОНИИ АЛЬФРЕДА ШНИТКЕ

ФОТО ИТАР-ТАСС

во, он сказал: "Это будет мне наконец вместо национальности". Даже то, что он принял именно католичество, говорит о многом. Почему не православие? Убеждена — чтобы не врать себе, не делать из себя "искусственного русского".

А почему не протестантизм? Тут, видимо, сыграли роль и политические события, Ольстер, где протестанты вели себя агрессивно, то есть несправедливо, а Шнитке необычайно чутко к вопросам морали. Главное же — протестантизм неоднократно на протяжении истории наносил тяжкий урон культуре — вспомним пуритан, которые уничтожали музыкальные инструменты... Для Шнитке как человека культуры это абсолютно неприемлемо.

Наконец, почему не иудаизм? По той же фактически причине — моральной. Шнитке, я знаю, не любит Ветхий завет из-за того, что в нем, с его точки зрения, слишком много жестокости. Хотя в своей Четвертой симфонии он доказал, что с уважением относится к различным религиям — там есть, как он сам это формулирует, католический, протестантский, православный и синагогальный "лады". И вместе с тем моменты, связанные с католическим "ладом", звучат у него как-то теплее, лиричнее.

С.Б. Вы затронули проблему множественности интонационных истоков музыки Шнитке. Но правомерен вопрос: если музыка композитора состоит в значительной степени из намеков на разные стили — в чем его индивидуальная интонация?

В.Х. На ваш вопрос трудно ответить, хотя интонация эта, безусловно, есть. Однажды в Союзе композиторов исполнялось танго — никому не известное, имени автора публике не сообщили. Но как только музыканты начали играть, большинству в зале сразу стало ясно: это танго написал Шнитке... Между прочим, возможно, именно наличие в музыке Шнитке разных стилистических пластов способствовало ее распространению. Слух почти любой аудитории, от предельно элитарной до самой массовой, находит в ней что-то "для себя".

С.Б. Мне кажется еще, фигура Шнитке в такой степени стала объектом массового внимания, потому что в нем, в тех вопросах, которые ставит его творчество, воплотилась суть современного интеллигента. А суть эту я бы определил так: мучительно трудный, порой смертельно опасный путь от неверия к вере. Нынешний человек так много знает о мире, что ему трудно возродить в себе веру в добро, но все же по изначальной своей природе он стремится к этой вере, однако достичь ее может, только отказавшись от огромной массы наносного, что накопилось в душе, по существу, отрицая свою

кого дара — живой доктор Фауст оказался стойче книжного.

В.Х. Помимо мистико-символической трактовки, есть и более простой пласт объяснений особенностей его жизни: у Шнитке не очень хорошая наследственность, оба его родителя рано умерли. Он же попал в ту полосу, когда медицина могла уже помочь. Другое дело, что кому-то она помогает, кому-то нет. И вот в том, что она ему все-таки помогла выжить и в значительной степени сохранить себя, как раз есть нечто, несущее глубокий смысл. Во-первых, он святая душа, а таких людей лечить легче, это известно, их чистота как бы идет навстречу усилиям врачей. Во-вторых, у него всегда была чрезвычайно благодарная, преданная публика — и вот тут я могу поверить в тонкие энергии: когда с ним случился первый инсульт (это было во время отдыха на Кавказе в 1985 году) и он три недели находился в состоянии клинической смерти, то, я уверена, не только героические усилия его личного врача, прилетевшего из Москвы, его спасли, но и те тысячи незримых добрых посланий, что направлялись к нему со всех сторон. Так он выкарабкивался потом и после второго инсульта, и после третьего, и после четвертого...

С.Б. Но если столь крепки, можно даже сказать — витальны, его жизненные связи с нашей страной, где и любящая публика, и друзья, и личный врач, — почему он решил эмигрировать в Германию?

В.Х. Думаю, главная причина — материальная. Ведь здесь в конце 80-х годов ситуация была полностью неопределенной. Отечественных заказов не было, все заказы поступали из-за границы, но советское государство зарубежные гонорары не пропускало, фактически конфисковывало.

С.Б. И он не чувствует там себя покинутым?

В.Х. Надеюсь, нет. Ведь с ним его близкие — жена, сын, чье окружение всегда играло для него чрезвычайно важную роль. Ирина — подвижничка, личность — полностью обеспечивает его быт, ведет его дела (именно она, например, приезжает в Москву на вручение премии "Слава") и, кроме того, продолжает концерттировать как пианистка. А с сыном у них даже есть совместные композиторские работы — сын его коллега, но более специализируется на рок-музыке.

С.Б. Вам известно что-нибудь о Девятой симфонии?

В.Х. К сожалению, почти ничего. Ведь своеобразие ситуации в том, что рукопись Шнитке (он пишет левой рукой, так как правая не работает) могут разобрать считанные люди, в их числе — дирижер Геннадий Рождественский. Партитура, расшифрованная им, не опубликована и впервые будет озвучена сегодня, 19 июня, в Москве при участии Государственной симфонической капеллы под руководством Валерия Полянского. Тогда мы и узнаем, чем живет ныне Шнитке, что заполняет его страдальческую и пророческую душу...

Беседу вел
Сергей БИРЮКОВ.

Шнитке, безусловно, принадлежит к провозвестникам перемен в нашем обществе. И его не миновала судьба многих из этих провозвестников: их благородные голоса в сегодняшней России слышны, увы, слабее, чем в предшествовавшие годы. На арену вышло другое поколение глашатаев. Иные из прежних пророков растерялись, замолчали...

Шнитке не замолчал. Его постигло другое тягчайшее испытание — болезнь на грани жизни и смерти. Ее, болезнь, нельзя победить. Но и его, художника, ей победить не удалось. Ибо он, страдая, продолжает сочинять. Сегодня в Москве — мировая премьера его новой, Девятой симфонии. Она приурочена к присуждению Шнитке ассоциацией "Русская исполнительская школа" и ОНЭСИМбанком авторитетной международной музыкальной премии "Слава".

Как хотелось бы, по журналистскому обыкновению, встретиться с музыкантом, поговорить о его творчестве, жизни... Но это невозможно: жестокий недуг лишил его речи. Мы беседуем с человеком, на протяжении многих лет близко знавшим Альфреда Гарриевича, написавшим единственную на сегодняшний день книгу-исследование о композиторе, — с профессором Московской консерватории **Валентиной Холоповой**.

С.Б. Фигуру Шнитке стало привычно воспринимать в трагическом ключе. Хотя, если посмотреть с бытовой, так сказать, точки зрения, то до определенного момента его жизнь складывалась вполне благополучно. Никаких открытых запретов на его творчество не было. Не проходило крупного фестиваля советской музыки, чтобы в программу не вошло сочинение Шнитке, зачастую капитальное. Он очень много работал в кино, а это давало достаток. Откуда же ореол мученичества?

В.Х. Я бы разделила эти вещи — творчество и личную биографию. Музыка Шнитке действительно глубоко трагична, в этом композитор продолжает традицию, идущую от Чайковского, Малера — тех, кто впервые со всей ясностью осознал, насколько трагично в своей основе жизнеустройство. Я уверена, что Шнитке входил в эту тему не столько от личных переживаний, сколько от осознания правды века. Двадцатый век — один из трагичнейших в человеческой истории. Страшные потрясения, которые он принес с собой, не могут оставить равнодушным художника, ищущего правды о человеке.

В жизни Шнитке случалась и личная удача. Его исполнили — но разве соразмерно количеству этих исполнений истинному значению его творчества? По сути, то были скупые подачки со стороны высокого начальства Союза композиторов.

Между тем в контексте советской музыки Шнитке все более становился рядом с Шостаковичем. Я не сравниваю здесь степень признанности этих художников. Однако по тематике Шнитке — безусловно, преемник Шостаковича. Только характер трагизма у него иной. Образы зла у Шостаковича социально конкретны: это фашизм, силы общественного угнетения... Музыка Шостаковича гражданственна, природа музыки Шнитке иная. Один из исследователей старшего поколения В.П.Бобровский как-то сказал: его трагизм мягче шостаковичевского.

С.Б. Ну это еще вопрос. У Шнитке, может быть, нет той силы ненависти, с которой Шостакович обличал зло, но ведь и зло у него не в каких-то отдельных, достойных порицания социальных явлениях, а в тем-

ных сторонах человеческой природы вообще, которые в свою очередь предстают отражением некоего мирового зла. Человек между Богом и дьяволом — так бы я попытался сформулировать главную проблему его творчества.

В.Х. Да, и со временем трагизм его музыки лишь сгущался. В Пятой симфонии, например, он достиг такой степени беспримесности, что, помню, мы даже недоумевали — как же так, ведь в обществе вроде бы намечалось потепление, что же такое ужасное видится ему, что не видится нам?.. Сегодня, когда наша жизнь стала почти сплошной чередой непредсказуемых катастроф, стало ясно, что он уже тогда чувствовал эту постоянную, неизведанную с какой стороны нисходящую угрозу человеческому существованию.

С.Б. Он и сам словно находится под постоянным прицелом неких злых сил. Не кажется ли вам, что над всей его фигурой довлеет печать отменности? Будто природа решила поставить на нем достаточно жестокий эксперимент — с одной стороны, наградив огромным художественным даром, с другой — воздвигнув преграды для выявления этого дара, преодоление которых возможно только при предельном напряжении всех человеческих способностей. С самого начала он был обречен на судьбу маргинала, человека "на обочине" жизненных процессов, которому дано лишь с невероятным трудом приблизиться к тому, что большинству из нас даровано от рождения. Так, появившись на свет и выросши в России, на волжских просторах (Шнитке, напомню, родился в городе Энгельсе), он не содержит в себе русской крови, как я понимаю, ни капли, будучи немцем по матери, евреем по отцу. Это по "традиции" негласно, а в какие-то времена и вполне гласно ставит у нас человека в глазах многих в положение полуизгоя. И даже впитав с детства русскую культуру, полюбив ее, Шнитке все же не может безоговорочно назвать себя

Мирисе Авербух

19.06.98.